

ДЗЕРЖИНСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ
XXX-ЛЕТИЯ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. „Настоящий
человек“. Девушки — Л. Чарковская, Мересьев — Т. Лондон

вал усталое тело, раздроблены ступни ног. Замерзающий летчик вздрагивает от шороха, сжав в руке пистолет, готовится к последнему бою с врагом. Так происходит встреча Алексея с раненой медицинской сестрой. И эта встреча — простой рассказ умирающей девушки о том, как, не размышляя, она бросилась защищать своих раненых от озверевшего эсесовца, — решила судьбу Мересьева. Опухшие ноги отказываются служить, — ну, что ж, он все равно доберется к своим, ползком или как перекати-поле, но обязательно доберется, чтобы мстить за смерть безымянной маленькой «сестреники», чтобы защитить сотни таких, как она.

В темной и сырой землянке, куда принесли Алексея жители деревни Плавши, дотла сожженной гитлеровцами, его окружают родные советские люди. Запоминается чуткая Варвара (арт. Е. Белянкина), с любовью и нежностью поющая раненому грустную песню о тонкой рябине, и бойкий, деловитый и мудрый дед Михайла (арт. Я. Хомутов), и сварливая Василиса (арт. М. Богданова), не пожалевшая, однако, зарезать для раненого свою последнюю курицу «партизаночку». Трогательен в исполнении М. Горской большеглазый Федька. Маленький золотоволосый паренек в непомерно большой ушанке и валенках захлебываясь рассказывает Андрею Дегтеренко удивительную историю Алексея Мересьева. Он говорит так быстро, будто боится, что его событие или останутся, и Дегтеренко так и не узнает, что нашел Мересьева он, Федька. «Дядень-

лий — ее автора Т. Лондона, режиссера Ф. Леценко, художников Виталия и Владимира Мазановых, композитора В. Семечкина, актеров, всего коллектива театра в целом.

Луч прожектора скользнул вверх по занавесу. Выхваченное из темноты, залело полотнище знамени, вспыхнули буквы на комсомольском значке... «Орденосному Ленинскому Коммунистическому союзу молодежи посвящается». Такой пролог этого спектакля, спектакля о мужестве, простоте и величии настоящих советских людей. Вслед за автором повести театр избрал своей главной темой не волю к жизни одинокого, но сильного человека, а героизм миллионов советских людей. Это скромное мужество героев нашего времени проступает во всех образах, становится ведущей темой спектакля.

По заснеженному лесу пробирается к своим Алексей Мересьев — Т. Лондон. Его силы на исходе — холод сковал

ка, он наш летчик, он советский!» — убеждает мальчик, и его глаза, полные детских слез, требуют спасения Мересьева.

Заслуга театра в том, что он не прошел мимо этих образов, сделав каждого из персонажей повести полноправным героем своего спектакля.

Тема народного мужества и героизма советских людей наиболее полно воплотилась в образе комиссара Воробьева — В. Мачкасова.

Умными живыми глазами вглядывается комиссар в лица раненых палаты 42. «Ну что ж, хлопцы, давайте знакомиться», — добродушным баском обращается он к соседям. И как будто сама жизнь, шумная и страстная, врывается в тягостную госпитальную тишину.

Вот, приподнявшись над подушкой, Воробьев — В. Мачкасов увлеченно играет в шахматы с Кукушкиным: огорчается неудачным ходом, хохочет, выиграв у партнера фигуру; хитро подмигнув палатной сестре, он передает Мересьеву, только что принесенному из операционной, приятные для него нисыма.

Воробьев — В. Мачкасов умеет найти ключ к сердцу каждого из своих новых друзей.

«Ты же советский человек!» — эти простые слова умирающего комиссара, полные страстной веры, оказались для Мересьева самым действенным из всех лекарств.

В исполнении В. Мачкасова прикованный к постели Воробьев действительно «жил, жил жадно и полнокровно». Артист создал образ большого, светлого, страстного и волевого человека.

По праву сконцентрировав внимание на образе комиссара Воробьева, театр всю идейную нагрузку картины в госпитале возложил на исполнителя этой роли. В образах остальных раненых и, что самое главное, в трактовке роли Мересьева был сделан акцент на мучительном преодолении физических педугов. Моральная победа Мересьева оказалась в этих сценах отодвинутой на второй план.

Вот почему после смерти полюбившегося зрителям комиссара ритм спектакля становится более вялым, внутренняя напряженность идет на убыль. Подлинная жизнь возвращается на сцену в картине вдохновенной пляски Мересьева — Т. Лондона перед столом комиссии.

ДЗЕРЖИНСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ
XXX-ЛЕТИЯ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. Постоянный
человек. Наумов — Ф. Лещенко, Мересьев — Т. Лондон